

Двойная взлетная

Автор:

Ольга Дашкова

Двойная взлетная

Ольга Викторовна Дашкова

Двойное #4

Это был обычный рейс бизнес джета. Если бы не его пассажиры – двое мужчин. Молодые, наглые, самоуверенные. Дорогие часы, костюмы и шесть спортивных сумок, полных денег. Я знаю этих мужчин. Я была с ними. Совсем недавно. Откровенно, сладко, пошло отдавая всю себя. Одна случайная связь, случайная встреча – и я попала в мир больших денег и жестоких мужчин. Мир, где нет места чувствам, а только пороки и соблазны, в которых я начинаю тонуть, упав с небес.

Содержит нецензурную брань.

Ольга Дашкова

Двойная взлетная

Глава 1

– Хочешь выпить?

– Нет, спасибо.

– Это вкусно, попробуй.

Мужчина предлагает мне свой напиток, наклоняется слишком близко, говорит громко, чтоб я слышала. От музыки, что звучит на весь клуб, закладывает уши, биты отбивают ритм, внутри все вибрирует.

Он очень близко, приятно пахнет, тонкие ноты черной смородины, бергамота, мускуса. Не люблю все эти термоядерные парфюмы, которыми обычно в большом количестве орошают себя мужики, но этот пахнет приятно.

Его теплая рука на моей, я, наверное, на самом деле пьяная, но пробую коктейль через трубочку. Чувствую его взгляд на моих губах, от этого взгляда внутри меня мотыльки нервно бьются о ребра. Я точно не пьяная?

Конечно нет, я практически не пила, лишь бокал любимого белого сухого за Жанкин допуск и успешную сдачу всех этих гребаных тестов. За прохождение немислимых кругов ада, через которые когда-то проходила и я, чтоб стать бортпроводником в мать ее, такой престижной бизнес-авиации.

– Вкусно?

Теперь я смотрю в его глаза, облизываю губы. Яркие вспышки неона, музыка меняется, теперь мое сердце бьется в такт вместе с ней.

Глаза. Они у него зеленые, точно зеленые, красивые. Короткая стрижка, темные волосы, щетина, мужчина улыбается, ровный ряд белоснежных зубов.

Темная рубашка, закатанные до локтя рукава, наверняка из офиса, отдыхает после того, как ковал железо, не отходя от кассы. Склонив голову, смотрит в упор, изучает меня. Как забавно, я ведь тоже умею так.

Наглый, вижу, что наглый, я таких перевидала пачками, но тут другое. Интерес, совсем не скрываемый интерес ко мне. Сколько ему? Тридцать пять? Тридцать семь? В этом пафосном, очень дорогом клубе с не менее пафосным названием «Сайгон» нет случайных, залетных посетителей или водителей троллейбуса. На водителя троллейбуса он совсем не похож.

Что вообще это был за коктейль, что меня так ведет?

- Вкусно, - отвечаю, тоже изучая его, мило улыбаясь, я вообще умею мило улыбаться. И почему бывший утверждал, что я сука редкостная?

Я сделала всего два глотка, но точно могу сказать, что трезвая. Его теплые пальцы на моей руке, смотрю вниз, ни одного украшения, даже обручального кольца, да сейчас их и не носят, мой бывший не носил.

- Тебя как зовут?

Снова кричит на ухо, снова его запах, резко поворачиваю голову в зал, хочу найти Жанку, не пить чужие коктейли и уже свалить отсюда, но получается, что скольжу губами по его щеке. А он целует, моментально захватывая свободной рукой шею, прижимая так, что вырваться невозможно.

Вот зачем ему мое имя, когда он так целует?

Мне точно его не нужно.

На языке вкус джина, лайма, горячие губы, холодный язык, контраст бьет по рецепторам.

Гимлет, точно, такой коктейль, странно, что не поняла это сразу.

Цепляюсь за его руку, даже не пытаюсь сопротивляться, отвечаю на поцелуй. Забыла уже, как это делается по-настоящему. Забыла уже, как мужик, именно мужик целует, а не жалкое подобие этих полупокеров, которыми кишит весь клуб. Он не собирается останавливаться, словно пробует меня на вкус, кусая губы, сминая их, облизывая языком.

Я даже не слышу своих стонов, мотыльки в животе совсем сошли с ума, выламывая мне ребра.

- Ты хочешь крови?

Не понимаю, о чем он, снова смотрю в глаза, а мужчина опускает свой взгляд на наши руки. Я так впила ногти в его кисть, что еще немного, и точно прольется кровь.

– Извини, – дергаюсь, нервно заправляя волосы за ухо, хочу встать со стула, но мне не дают.

Боюсь оказаться слабой, потому что понимаю, если мужик так целуется, то трахает он еще круче. Могу не устоять, но чертова порядочная девочка в высоких гольфах и серой юбке в моем сознании смотрит с укором.

Чтоб она провалилась.

– Так как тебя зовут, кровожадная? – улыбка на миллион долларов, меня аж передернуло.

А вот сейчас у него взгляд, словно он меня уже разложил на этой барной стойке.

– Зачем тебе?

– Хм, интересная ты.

Но, как только я хочу уже назвать свое имя, была не была. Рядом со мной, с другой стороны, на высокий барный стул садится мужчина. Берет недопитый нами коктейль, выкидывает соломинку и выпивает его залпом. Теперь уже он смотрит на меня, изучая и оценивая.

Он другой, модная стрижка, темные брови. Смотрит, глаза черные, а я не могу отвести своих. Я на самом деле такая голодная, что все мужики в этом клубе мне кажутся сексуальными? Надо валить отсюда, пока не свершилось мое моральное падение.

– Как там, Тём?

– Все путем, через три дня встреча.

– Ну и прекрасно.

На барной стойке появилось три бокала, два с виски и один с тем коктейлем, это для меня, я поняла. Знаю, надо встать и уйти, но не хочу, реально не хочу. Выкидываю соломинку, так же как только что делал кареглазый Тёма, смотрю на него таким же наглым взглядом, уж я-то умею, но чаще улыбаюсь, как механическая кукла наследника Тутти.

Он выглядит моложе, может, года на два, того, что целовал меня, или мне так кажется из-за плохого клубного освещения. Но уже не суть, облизываю губы, делаю большой глоток гимлета, джина явно не пожалели. Мужчины переглядываются, снова смотрят на меня, медленно пьют свой вискарь. Кожа горит, по спине бежит холодок от предвкушения чего-то необычного.

- Игорян, где ты взял ее?

- Сама в руки упала, словно с неба.

- Хорошая птичка.

Я правда упала, какой-то пьяный кретин, проходя мимо, толкнул, меня крутануло на высоких каблуках, и если ли бы не мужчина, который подхватил меня и усадил рядом, то лежала бы я у его ног.

Все это они громко говорят при мне, я ведь как раз сижу между ними. Надо бы достать телефон из сумочки, что висит через плечо, вызвать такси, найти Жанну, валить в съемную квартиру, а я сижу, тяну гимлет. Вкус лайма оттеняет крепкий джин, ударяет в голову.

Вот теперь я точно пьяная.

- Попробуй, какая она.

Не сразу понимаю, о ком это или о чем, но кареглазый с забитым напрочь рукавом правой руки, только сейчас увидела татухи, разворачивает меня к себе за талию и, чуть сжимая волосы, тянет голову назад, смотрит на губы, а потом целует.

Такое бывает?

Его губы мягче, его поцелуй глубже, я словно запиваю гимлет виски, без закуски. К черту, она не нужна. Мотыльки совсем озверели внутри, нервно машут крыльями, они режут, как острое стекло. Отвечаю на поцелуй.

Но ему это совсем не нужно.

Он берет что хочет. Как хочет и где хочет.

Чувствую сзади на своих плечах руки, они сминают тонкую ткань платья, убирают волосы, обнажая шею. Он касается ее, а у меня мурашки бегут по спине. Сознание вспыхивает яркой вспышкой, кончики пальцев покалывает, но не могу сдвинуться с места. Меня целуют сразу двое мужчин, в людном месте, на глазах у всех. Порядочная девочка внутри моего сознания совсем опустила глаза в пол, с укором качая головой.

Чьи-то руки на бедрах, горячие, настойчивые, я упираюсь в грудь мужчины, отстраняясь от него, а он лишь ухмыляется.

– Ты точно с неба упала?

– Нет, я мимо шла.

– Пойдем тогда еще погуляем. Или я могу понести.

Глава 2

Меня тянут за руку, спрыгиваю со стула, иду за мужчиной, пробираясь через танцпол и толпу народа. В воздухе чувствуется отчетливый запах алкоголя, кальянного дыма, секса. В груди от громкой музыки все вибрирует.

Но я покорно иду, одергивая короткое платье, оборачиваюсь, тот, что целовал меня первым, идет сзади. Темный коридор, дверь, небольшое помещение, здесь не так слышна музыка. Успеваю заметить лишь небольшой диванчик и шест со стеклянным, подсвечиваемым изнутри подиумом.

Приват.

– Так как тебя зовут?

Кареглазый разворачивается, прижимая меня к себе, не давая ответить, снова целует, лаская пальцами шею, спуская с плеч платье. И зачем я только его купила, это шлюханское платье, которое одним движением снимается? Под ним черный, почти прозрачный лифчик, мужчина склоняется и прямо сквозь тонкую ткань засасывает сосок.

А меня ударяет током.

Чувствую, как тот, что сзади, притягивает к себе за талию, задирая подол платья, целует спину, мнет ягодички, запуская руку между моих бедер.

Это что-то невероятное. Меня сейчас точно отымеют двое мужиков в привате ночного клуба, а я стою и не могу пошевелиться, потому что мне хорошо. Мне реально хорошо.

– Сними это к херам.

Он тянет лифчик вниз, обнажая грудь, тут же накрывая ее ладонями, оттягивая соски, опять целует в губы. Его язык ласкает мой, я с силой цепляюсь за его плечи, начинаю громко стонать. Пальцы второго стягивают трусики вниз, заставляя меня расставить ноги шире.

Снова вздрагиваю, когда он скользит уже по обнаженной и возбужденной плоти, собирая влагу, потому что я реально мокрая.

– Скажи, сколько ты стоишь? – зеленоглазый фиксирует мои плечи, говорит, и снова целует в шею, обжигая кожу дыханием. Не сразу понимаю, о чем он.

– Она не проститутка, я бы к такой и не подошел. Она хорошая девочка, только голодная. Ты ведь хорошая девочка?

И зачем им мой ответ?

Меня снова обсуждают, я улыбаюсь, но прикусываю губу, когда меня начинают трахать пальцами. Вот же черт. Расслабляюсь, снова теку, а спереди начинают ласкать пальцы другого мужчины.

- Аааах... ммм... дааа.

- Я сейчас солью в штаны от твоих стонов и мокрой киски.

Они не останавливаются, но я слышу звон бляшки ремня, шорох одежды.

- Дьявол, сука! Да где он, блять? - нервно, с матами.

Из меня убирают пальцы, но спереди все равно кареглазый продолжает растирать клитор. Стоять на высоких каблуках трудно, часто дышу, мышцы напряжены.

- Такая красивая, когда хочешь, точно не проститутка, я в этом уверен.

Снова целует, а в меня входят сзади.

Вскрикиваю, сильнее прижимают к груди, сжимая пальцами ткань рубашки. Член большой, он растягивает, медленно проникая глубже, я, кажется, перестаю дышать.

- Ну что, детка, полетаем?

Резкий толчок, входит весь, задевая заднюю стенку влагалища, прогибая мне спину, мужчина спереди уже не держит меня, отходит, а я упираюсь руками в спинку дивана перед собой.

Алкоголь выветривается моментально, сердце гоняет по венам чистый адреналин. Мне хорошо, как не было хорошо, наверное, сто лет. Цепляюсь до белых костяшек в кожаную обивку, кричу так, что закладывает уши. Я на члене мужа так никогда не кричала.

Он заполняет меня, насаживает на себя, имея глубоко, резко. Шлепок по ягодицам, еще, еще. Платье болтается на талии, грудь с острыми сосками

покрылась мурашками, а я вся горю изнутри.

- Посмотри на меня, детка, посмотри.

Прямо передо мной кареглазый Артём, приспустив брюки, он наяривает свой стояк, головка блестит от смазки, бордовая, крупная. Инстинктивно облизываю губы, не знаю, сколько времени это все продолжается, но оргазм так быстро и с такой невероятной скоростью накатывает на изнутри.

Напрягаюсь, слышу сзади хрипы мужчины, который до боли сжимает мои бедра, вонзается еще глубже, натягивая меня на свой пульсирующий член.

Я кончаю на нем, содрогаясь всем телом, меня колотит, удовольствие болезненно острое, что хочется плакать, такого не было никогда.

- Чшшшш... тихо, девочка, тихо, иди ко мне.

Ноги совсем не ходят, кажется, сейчас он выйдет из меня, отпустит, и я рухну на пол. Но сильные руки подхватывают руки, мужчина садится на диван, усаживая меня сверху. Он ловит яркий квадратик фольги, надрывает его, смотрю вниз, наблюдая за тем, как он ловко раскатывает тонкий латекс презерватива по своему члену.

- Думал, залью спермой весь пол, пока смотрел, как Игорь тебя трахал.

Он проводит пальцами по моему раскрытому лону.

- Текла и стонала, словно тебя не трахали вечность. Голодная девочка, да? Голодная? Или ты всегда такая?

Так и есть, меня не трахали вечность и один день. А точнее, так меня не трахали никогда.

Он ласкает, а я тянусь к его губам, целую, веду бедрами, увеличивая трение. Такая грязная похотливая девчонка, но пусть это все произойдет сейчас. Пусть завтра я буду вспоминать об этом как о самом развратном приключении в своей жизни. Включу вибратор, под одеялом или в ванной, и никому никогда не

расскажу, о привате в клубе «Сайгон».

– Мокрая сучка, обожаю таких.

– Ты слишком много говоришь, – говорю тихо, а голос хрипит.

Смеется в мои губы, прикусывая нижнюю.

А я, направляя его член, оседаю, принимая пока только наполовину. Снова по телу горячая волна, он такой же большой, как и у того, но слегка изогнут, отчего головка давит и трет сильнее в определенные точки. Опускаюсь на нем глубже, принимая полностью, снова приподнимаюсь расслабляя мышцы.

– Вот же черт, да, девочка, двигайся.

Откидывают спиной назад, выгибая спину, мне хорошо, нереально хорошо. Раскачиваюсь, ловя свой кайф, чувствую, как Артём начинает лизать соски, покусывая их, сжимая грудь.

Биты музыки за дверью льются по стенам комнаты, мое сердце стучит им в такт. Но вот он резко дергает меня, вскрикиваю, с силой прижимает к себе, сам двигает бедрами, трахая так быстро и глубоко, что я снова теряю связь с реальным миром.

Прикусываю ладонь, смотрю перед собой, совсем близко, в углу, сидя в кресле, мужчина, расставив широко ноги, курит, выпуская дым в потолок. Его член все еще стоит, на полу валяется использованный презерватив.

А я закатываю глаза, когда пальцы начинают надавливать на колечко ануса, при этом член, как поршень, входит в истекающее от моих соков влагалище. Вот пальцы проникают сквозь тугие мышцы, что-то невероятное происходит с моим телом, он не вынимает их, а я падаю в свой второй оргазм.

Он такой долгий, мотыльки внутри меня лежат кучей маленьких трупиков. Тяжело дышу в шею мужчине, кусаю соленую на вкус кожу.

– Ты точно упала с небес? Или поднялась из преисподней?

Я только что морально упала именно туда. Порядочная девочка в моем сознания совсем отвернулась, ей стыдно. А мне, что удивительно, нет. Только ужасно хочется пить, а еще добраться до квартиры и лечь спать, дня на два, потому что именно через два дня на работу.

- Так все-таки, как тебя зовут?

Смеюсь, все еще чувствую его член внутри себя.

- Тебе ведь не нужно мое имя.

Глава 3

Стою у трапа, майское солнце слепит глаза, надела солнцезащитные очки, пока можно, пока пассажиры не прибыли. Бизнес джет «Челленджер», как огромный подарок, отликает золотой полосой на белоснежной обшивке. Почти двадцать один метр красоты и роскоши, размах крыла девятнадцать метров, вместимость от семи до девяти пассажиров.

Максимальная дальность полета – почти семь тысяч километров, крейсерская скорость – восемьсот семьдесят один километр в час. Мягкая белая кожа салона, темное дерево, живые орхидеи, бар, напичканный элитным алкоголем, который я сама лично выбирала, только натуральные ткани и столовое серебро, начищенное до блеска.

Цена – двадцать семь миллионов долларов, аренда – от пяти тысяч евро в час. Красивые цифры, да? Как говорит Жанка: «Дорого-богато». Я бы могла рассказывать о его характеристиках долго, как заезженная противная реклама. Но сейчас совсем этого делать не хочется.

А ушла я тогда из клуба красиво, словно Золушка, но потерявшая там не туфельку, а последние крупницы стыда. Жанку так и не нашла, телефон она не брала, может, ее тоже кто-то где-то трахал. В такси ехала с загадочной улыбкой на лице, водила косился, а потом начал подкатывать.

Нет, дядя, извини, на сегодня мне хватило хапнуть адреналина. В прихожей в сотый раз споткнулась о коробку сервиза на двенадцать персон, любезно подаренный нам на свадьбу с Коленькой свекровью. Забрала его из вредности, буду бить в минуты гнева, на свое долгое счастье.

Принимая душ в заваленной вещами тесной съемной однушке, чувствовала, как дрожат колени, а по телу продолжало растекаться удовольствие, как медленная лава из жерла вулкана. Я была как наркоманка, словившая свой приход, но еще не знающая, что будет отходняк.

Провела тогда рукой по груди, задевая предательски торчащие соски, мышцы живота сократились, по телу пошла дрожь. Легла спать, даже толком не высушив волосы, так голая и легла, укрывшись тонким покрывалом.

Потом два дня прошли в полной суматохе и подготовке к полету, а еще бывший муж вынес весь мозг, чтоб он, сука, геморрой себе заработал. Думала, телефон разобью об стену.

Новые пассажиры оказались вполне непривередливы, если судить по их запросам, но удивляло то, что ради них сдвинули весь график. Приходилось жертвовать своими выходными, которые были давно запланированы, хотела наконец навести порядок в квартире и помыть окна.

Солнышко припекало, поправила белую блузку, шарфик, одернула узкую юбку. Посмотрела на новые туфли. Красивые, но дорогие, собака. Себя нужно любить и баловать, а где два оргазма, там и новые туфли.

- Привет, Кристинка.

- Здоровались, Олег.

- Ты, как всегда, шикарна.

- Спасибо.

Отвечаю сухо, но вежливо, второй пилот нашей команды стоит слишком близко, чувствую терпкий запах парфюма, ведь говорила сто раз, что не надо так себя

орошать, словно собрался на цыганскую свадьбу. Но сейчас я само спокойствие, мне глубоко все равно на всех. Оргазмы и туфли – вот что меня волнует.

– Где капитан? Мы что, без него полетим в солнечный Сахалин?

– Да, жаль, не Дубай. Странные пассажиры.

– Почему странные? Люди летят делать дела, а не баб драть в Эмиратах.

– Я бы тебя, Крис, выдрал.

– Олег, отъебись, я не сплю с пилотами, жизненный принцип, как заповедь, мой руки перед едой, переходи улицу на зеленый и не раздвигай ноги перед пилотами.

– Аминь.

Вижу сквозь очки, как Олег поджал губы, забавный такой, обиделся. Всегда так обижается, почти год яйца катает ко мне. По полю со стороны ангара быстро идет мужчина, летная черная форма, белая рубашка, в отличие от второго пилота Олега Нестерова, смазливый блондин, первый пилот ко мне подкатил два раза, последний – три месяца назад.

– Здравствуй, Кристина, – низкий баритон, взгляд как бы вскользь, поправляет фуражку. Ему чертовски идет форма, бухгалтерия сыт кипятком, когда он к ним заходит. Я не ссу, я вообще никак. Может, его это и бесит? Опасаюсь, может со мной, что не так.

– Доброе утро, капитан.

Улыбается, улыбка у него тоже красивая. Вообще, у Дмитрия Курапова все красиво и шикарно в жизни. Все как у людей. Жена, двое детей, новый «Крузак». Жаль, меня не возбуждает такой набор это.

– Хорошо выглядишь.

– Жена не отсосала?

- Вот же язва, - совсем не зло.

- Я потом помою рот с мылом.

- Даже не удивляюсь, почему ты развелась.

- Сосала плохо, мужику надоело, бросил меня. Дай бог ему встретить женщину, что освоила технику «Глубокое горло».

Капитан качает головой, но улыбается, глядя на меня, а я скалюсь во все тридцать два. Дима двигается ближе, хочет еще что-то сказать, но не успевает.

- Клиент прибыл, - Олег прерывает наш диалог о минете и мужьях.

Быстро снимаю очки, прячу руки за спину, солнце снова слепит глаза, мы стоим, как положено, у трапа. Положено, конечно, одной мне, но пилоты не станут уходить сейчас.

Два белых «Лексуса» представительского класса подъезжают не слишком быстро. Красиво, ничего не скажешь. Им что, на двоих одной машины мало? Я ведь знаю: заявлено двое пассажиров, мужчины.

Первыми выходят шоферы, открывая пассажирские двери, каждый мужчина выходит из своей машины, и каждый достает из салона две большие спортивные сумки. Шоферы, открыв багажник, тоже вытаскивают оттуда по две сумки.

Я, мягко говоря, в недоумении.

Идут уверенно, дорогие костюмы, ветер треплет полы расстегнутых пиджаков, на лицах очки, скрывающие глаза, твердый шаг, кажется, что сумки легкие, но это не так. На плече каждого висит еще по дорожной сумке и кофры с ноутбуками, остальные четыре несут следом.

Мне начинает закладывать уши от шума взлетающего неподалеку самолета. Чем ближе они подходят, тем сильнее мое сердце разгоняется, как реактивный двигатель, готовое взлететь вслед.

– Серьезные мужики, у них там точно не наркота? – Олег вставил фразу, Дима промолчал, а я вообще забыла, что говорить. – Встречай нас, Сахалин.

Пять шагов, четыре, три, два...

Это они, те самые два моих оргазма, клуб «Сайгон», приват-кабинка, два члена, на которых я кончала, как озабоченная нимфоманка, так что потом колени тряслись, и мастурбировала два раза вспоминая.

– Здравствуйте, меня зовут Кристина, добро пожаловать на борт.

Первый, что выше и шире в плечах, тормозит, поворачиваясь ко мне, смотрит сквозь дорогие «Гуччи», а я сжимаю свои очки до хруста пластика, потому что чувствую, как его взгляд медленно скользит по моему лицу, а мотыльки начинают нервно биться о ребра.

– Багаж можно оставить в багажном отсеке.

– Багаж полетит с нами.

Он поднимается по трапу, за ним второй, зеленоглазый змей-искуситель, улыбается, сняв очки, осматривая меня с ног до головы.

– Тебе идет форма, хотя без нее еще лучше.

Вот кто его тянул за язык? Разве нельзя пройти молча мимо?

Сумки несут в салон, Олег следом, шоферы выходят.

– Ты их знаешь? – Дима смотрит вопросительно.

– Откуда?

– Тогда что такое он говорил?

– Не знаю, перегрелся. Чувствуешь, как печет? Надеюсь, на Сахалине снег еще не растаял.

Курапов не верит, первый пилот не дурак. Я сама не верю, что так попала. Но кто знал?

– Кристина, ты понимаешь, что можно, а что нельзя. Все это время ты была умной девочкой.

Ключевое слово «была».

Глава 4

Продельваю необходимые манипуляции с поднятием трапа и закрыванием дверей. Все на автомате, каждое движение отработано годами, четкие и слаженные. Но ладно, мокрые, словно я снова в седьмом классе и списываю контрольную по алгебре.

Ну а с кем не бывает? Это чистая случайность, кто угодно может трахнуть с мужичком, а потом встретить его в магазине в очереди на кассе или вот как я, на борту бизнес джета.

Но в том-то и дело, что в той очереди ты точно знаешь, что у вас больше ничего не будет. А сейчас мы взлетим, и долбаные восемь часов мне придется улыбаться и стелиться перед этими мужиками, молча сносить все их подъебки. А то, что они будут, вот нет ни малейшего сомнения.

Сама виновата. Нечего давать кому попало в ночных клубах.

Порядочная девочка внутри меня иронично качает головой в знак того, что она ведь предупреждала, а ты, овца, решила встать раком и словить экстаз.

Поправляю блузку, одергиваю юбку, смотрю на свое отражение в зеркале бара. Светлые волосы собраны в пучок, пилотка чуть набок, сдержанный макияж, на губах легкий блеск.

Делаю глубокий вдох, выхожу в салон «Челленджера», говорю стандартные и заученные фразы, приветствую пассажиров. Рассказываю им о дальности полета, показывая руками, где что находится. Мужчины не задают вопросы, я лишь чувствую на себе их взгляды.

– И вот пришла вся в синем стюардесса, как принцесса, надежная, как весь гражданский флот.

Тот, что выше и шире в плечах, небрежно бросил очки на диван рядом с собой, пропел Владимира Семеновича Высоцкого.

Хм, как интересно. То, что она знает Высоцкого, это похвально.

Мужчина склонил голову, облокотился на спинку, широко расставил ноги, подчеркивая свое мужское превосходство. Смотрит насмешливо, а в его зеленых глазах, нет, нежелание.

Что-то жуткое.

Парализующее.

Хищное.

Именно сейчас он изучает свою добычу, зная о том, что точно ее сожрет. Дело только во времени и способе.

Теперь его можно хорошо разглядеть. Красивый мужик, легкий загар, лицо выразительное и притягательное, четкая линия скул, стильная щетина, красивая линия губ.

Я помню их на вкус: джин и лайм с лимонной цедрой. Вкус коктейля гимлет, он целовал меня ими, не спрашивая, хочу ли я. Мой первый почти микрооргазм подаренный его порочными губами за барной стойкой «Сайгона».

Дорогой костюм, на запястье тысяч десять евро в белом золоте. Если бы я разглядела его в клубе, то ни за что бы не подошла. Короткая стрижка, темные

волосы, его взгляд лениво блуждает по моей фигуре, он не улыбается, а что-то просчитывает в голове.

Второй моложе или просто выглядит так. Стильная стрижка, волосы небрежно зачесаны назад. Черты лица резче, кожа бледнее, он также изучает меня, прикидывает, приценивается, я знаю такие взгляды. На дне зрачков пляшут черти, а в темных глазах лихой задор и обещание невероятно интересного полета.

Господи, помоги мне.

А самое интересное, что они за все эти долгие минуты, пока из меня лился словесный поток, не переглянулись ни разу.

– Ты слишком много говоришь, – это все, что сказал кареглазый, прежде чем потерять ко мне всякий интерес, открыть макбук, надеть очки в тонкой оправе и быстро застучал пальцами по клавиатуре.

Хм, запомнил.

– Могу я предложить вам напитки?

– На тебе есть белье?

Работа бортпроводника бизнес-авиации готовит тебя ко всему, к любому роду ситуаций. От капризов пассажиров по поводу минеральной воды не той марки и цвета орхидей в салоне, до недостаточно расторопного обслуживания и слишком узкой форменной юбки, которая не понравилась второй жене арабского шейха.

Вопроса по поводу наличия на мне нижнего белья еще не поступало, но были предложения его снять.

– Так какие напитки я могу вам предложить?

Включила дуру и мило улыбнулась.

- Подойди, пожалуйста, ближе.

Делаю несколько шагов к мужчине на диване, надеясь на конструктивный диалог по существу, а не по поводу наличия на мне трусов.

- На тебе есть белье?

Дура не помогла.

- Простите, но данная информация никак не касается нашего перелета.

Улыбаюсь так, что сейчас треснут щеки, вижу в иллюминатор, как самолет выходит на взлетную полосу, надо пойти сесть и пристегнуться.

- Прошу оставаться на своих местах, сейчас будем взлетать.

Собираюсь развернуться и уйти, но мне не дают, мужчина дергает меня на себя, усаживая на колени, крепко сжимая талию пальцами.

- Что вы делаете? - спрашиваю как можно спокойней.

Смотрю в его зеленые глаза, а внутри все переворачивается, меня парализует. Он режет по живому своим взглядом, таким тяжелым и откровенным, что я начинаю задыхаться.

Нет, этого не может быть, чтоб я так реагировала на мужика.

Да будь он кто угодно, я перевидала от нефтяников до шейхов. Ко мне подкатывали миллионеры и политики, предлагая невысказанные деньги или просто так слетать в Венецию на выходные.

Но ни один из них не стоит того, чтоб я потеряла свою работу. Пусть из меня вышла хреновая жена и сноха, отвратительная подруга, но работник я отличный, потому что я люблю то, чем занимаюсь и умею устанавливать границы.

Капитан говорит стандартные фразы, слышу из динамика голос Курапова, самолет набирает скорость, слегка закладывает уши. Я все сижу на коленях зеленоглазого, отчетливо чувствую его эрекцию. Вот шасси отрываются от полосы, он идет на взлет, набирая высоту, а я растворяюсь в этом зеленом омуте, вдыхая тонкий аромат смородины и бергамота.

– У тебя глаза – чистое небо.

Перестаю дышать. Любое признание ничто после этих слов. Во рту пересохло, облизываю губы, не в силах что-то ответить.

Мотыльки под ребрами зависли, в голове шум, сердце падает вниз, пока самолет взмывает в небо.

Его зрачки расширяются, на миг в глазах читается вопрос, но вот губы изогнулись в насмешливой улыбке, а меня словно окатывает ведром ледяной воды.

– Простите, мне надо работать.

Улыбается, отпускает меня. Быстро встаю, качнуло, но удержалась, ухожу на свое место, там, где бар и кухня. Ловлю в отражении зеркала свой растерянный взгляд. Надо собраться и взять себя в руки.

Что это вообще сейчас было?

Лепет про глаза давно остался на первом курсе института, я взрослая девочка и не ведусь на такую хуйню. Машинально открываю бутылки, делаю напиток хоть меня и не просили, но просто надо себя чем-то занять, лететь еще восемь часов.

Долбаный чертов «Челленджер», у которого даже нет перегородок, чтоб спрятаться и спокойно посидеть. Закрывается только туалет у пассажиров, пилоты и те без дверей. Ты практически постоянно на виду, хотя меня как обслуживающий персонал замечают, когда что-то надо.

Смотрю на два бокала, в них джин, сок лайма, лед и лимонная цедра. Гимплет, тот самый, с глотка которого началось мое грехопадение и наше порочное

знакомство в клубе.

Выхожу в салон и застываю на месте, я ждала чего угодно, веселых подкатов, пошлых шуточек, вопросов про мои трусы, песни про стюардесс, но мужчины спали. Вот так, просто откинувшись на спинки, не сняв пиджаки, словно у них кончился заряд и села батарейка.

Унесла бокалы обратно, опустила шторы на иллюминаторах с помощью пульта, приглушила свет. Вот было бы хорошо, проспите они так до Сахалина.

Глава 5

- Ничего не хочешь рассказать?

- Господи, Курапов, ты меня напугал.

Стою, натираю бокалы в тридцатый раз, глядя в одну точку, прокручивая в памяти все, что произошло час назад. Как тот зеленоглазый мужчина смотрел, как трогал меня и сжимал талию, не могу описать того, что в тот момент происходило со мной. Чистое помешательство, гипноз, я как безвольная кукла, вот бери и делай что хочешь, падала на дно его порочных глаз и задыхалась.

Так не должно быть.

- Кристина?

- Что?

Смотрю в красивое и мужественное лицо первого пилота, вот все при нем – и стать, и косая сажень в плечах, и харизма. Но отчего во мне столько безразличия к нему? Чувствую себя замороженной рыбой, точнее вымороженной.

Поморщилась, отвела взгляд.

- Я так противен тебе?

На лице капитана непонимание, в глазах гнев.

- О чем ты?

- Все о том же.

- Прекрати, все нормально.

Хочу, чтоб он ушел и не трепал мне сейчас нервы, вот совсем не до него и его так внезапно вспыхнувших чувств. Откуда только они взялись?

- Кристин, послушай меня, пожалуйста. Да посмотри ты на меня.

Смотрю как он просил, сжимая в руке пустой бокал так, еще немного и он треснет.

- Ты только скажи, одно твое слово, я как пацан, не знаю, с какой стороны к тебе подойти.

- А ты с каких-то сторон подходил?

Не понимаю, что несёт Курапов. Весеннее обострение, спермотоксикоз, жена на самом деле не дала и не отсосала? Когда это он ко мне подходил с какой-либо стороны? Не припомню.

- Кристин, не включай дурочку, я ведь на самом деле не могу без тебя, - видно, как эти слова ему даются с трудом, черты лица заостряются, в глазах некая мольба и просьба.

С каких пор один случайный секс так корежит нормального мужика, у которого жена и двое детей? Идиотка последняя, ведь знала, что нельзя так делать, нельзя трахаться с пилотами, сама же только у трапа говорила эту неоспоримую истину Олегу. Дала слабину, решила отвлечься под текилу.

Овца тупая.

– Дима, черт... пойми...

– О, служебный роман.

Оборачиваюсь, встречаюсь с зеленым любопытным взглядом мужчины. Рубашка расстегнута, он трет лицо, смотрит на первого пилота. Тянется ко мне рукой, а я лишь наблюдаю за ним, не в силах что-то ответить. Берет бутылку минералки с барной стойки, открывает одним движением и жадно пьет.

Кадык дергается на мощной шее, вода стекает с уголков губ, я сглатываю слюну, как озабоченная и голодная нимфоманка. Это как порноролик, вот сейчас он начнет раздеваться, а все бабы – визжать от радости.

– Да, Дима, тебя отшили, послав на хуй, только культурно. Наша «Мисс Одесса» – девочка культурная.

Почему «Мисс Одесса»? А, это слова из той песни Высоцкого.

Курапов смотрит волком, на скулах играют желваки, но он ничего не может ответить, он всего лишь шофер такси, если можно наш джет так назвать. С крыльями и очень дорогое такси. Уходит в кабину.

– У нас есть что пожрать?

– Да, конечно. Я сейчас принесу.

Мужчина уходит, начинаю метаться, как канарейка в клетке, переставляя тарелки. Останавливаюсь, глубоко дышу. Все отлично, Крис, все под контролем, осталось всего пять часов – и мы в прекрасном городе Южно-Сахалинске. Будет целая ночь на отдых, без пассажиров и пилотов, без ненужных разборок и выяснений отношений. Будет время подумать и все расставить по полкам в своей никчемной жизни.

Поднимаю шторы на иллюминаторах, прохожу в салон, надо достать свежие полотенца и сервировать стол.

– Что сказал Якут?

– Все готово, Вересов ждет, открыто несколько десятков счетов через третьих лиц, схема, по его словам, надежная, но стара как мир. Я, конечно, проверил, путать следы он умеет.

– И как?

– Нормально говорю же.

– Тём, но ты-то все мог сделать лучше.

– Уже поздно что-либо менять.

Мужчина снимает очки, смотрит на меня, провожая взглядом, продолжая громко разговаривать, а я, спотыкаясь о сумку, которая торчит из-под стола, чуть не лечу на пол, но упираюсь в грудь зеленоглазого.

– Ты снова падаешь ко мне в руки, да, птичка?

Он весь мокрый, по лицу стекает вода, моя белая блузка моментально намокает и липнет к телу. На талии крупные ладони, в висок горячее дыхание и хриплый голос. А мои пальцы обжигает его гладкая кожа.

– Извините.

Опускаю взгляд, мотыльки под ребрами сходят с ума, заглушая биением крыльев стук моего сердца.

– Да я еще ничего и не сделал.

– Классная девочка, да? Ты помнишь нас малышка?

Второй мужчина так неожиданно оказывается сзади, его руки скользят по плечам, чуть сжимая их.

Ни в одной инструкции не написано, как себя вести в таком случае. Я не могу ответить грубо, не могу послать, я не имею права дернуться, психануть и уйти.

Моя работа – делать все, чтобы клиенту нашей компании было комфортно в полете. Мы обслуга, пусть звучит грубо, но это так и есть. У бортпроводника бизнес-авиации не может быть плохого настроения, болеть голова и быть недовольное выражение лица. Только приветливая улыбка и стремление выполнить с энтузиазмом любое желание клиента.

– Мне нужно сервировать стол, сейчас будет обед.

Если я начну кричать, пилот, конечно, выйдет, неизвестно как Курапов или Олег себя поведут, но у них тоже есть четкие инструкции, в каких случаях можно вмешиваться, а в каких нет. Но судя по настроению первого пилота, драки на борту будет не избежать.

Мой мозг лихорадочно мечется в поисках решения этой ситуации, скандал не нужен никому, мы все трое останемся без работы, без очень хорошей работы, которую каждый из нас вырвал с мясом у других. Не так просто сдать все тесты и нормативы, подмазаться к руководству и доказать свою надежность, профессионализм и стрессоустойчивость.

Отпахав перед этим несколько лет в гражданской авиации, обслуживая чартеры в Турцию и Грецию, с полупьяными неадекватными людьми и орущими детьми на борту. Ты четко знаешь, что после любого прокола на твое место тут же придет другая или другой, а о тебе уже никто не вспомнит.

Пытаюсь отстраниться, но мне не дают, я зажата между двух мужчин в проходе, справа диван со сваленными на него сумками. Цепляюсь взглядом за открытый замок, во рту скапливается горечь, руки моментально холодеют, отвожу взгляд, потому что лучше бы я не видела, что лежит в них.

Деньги.

Много пачек оранжевых купюр, перемотанных банковскими лентами.

Восемь спортивных сумок, набитые ими под завязку.

Мужчина улавливает мой взгляд, улыбается краешком губ. Интересно, мы вернемся обратно живыми, а не в цинковых гробах?

– Ты помнишь нас или освежить твою память? «Сайгон», приват, Игорь трахал тебя раком, а потом ты кончала на моем члене, терлась и извивалась как голодная сучка.

– Конечно, она все помнит. Нам, Шульгин, просто несказанно повезло, я думал, будет долгий утомительный полет, а тут такая лялька, наша милая страстная птичка.

Помню их имена, как они обращались друг к другу. Игорь и Артём, зеленоглазый здоровяк и маньяк-интеллектуал с модной стрижкой.

– Громов, может, к черту обед? Яйца ломит, как трахнуть ее хочу. Я помню, как она текла на моем члене. Покажи, какая ты мокрая, девочка.

Он трется эрегированным членом о мою поясницу. Игорь гладит по лицу заглядывая в глаза, а мне хочется плакать от своей беспомощности. Руки Артёма уже задирают узкую юбку, меня сейчас реально трахнут прямо здесь, на этих сумках с деньгами. Сжимаю зубы так, что ломит челюсть, судорожно выдыхаю.

Не могу определить свои эмоции и понять, каких больше. Страх, непонимание, желание на уровне инстинктов пасть рядом с сильными самцами или кричать во весь голос о том, что так делать нельзя.

Мотыльки, кажется, зависли на одном месте, а я перестала дышать.

Глава 6

– Ну и чего ты так испугалась? Думаешь, мы сейчас поставим тебя раком и трахнем во все щели? И никто тебе не поможет, даже если будешь кричать? А кричать ты будешь, очень громко кричать. Может, позовем еще и капитана?

– Какого капитана?

– Пилота нашего немерено дорогого самолета.

– Нам в этом деле нужен пилот?

– Ну кто знает, а вдруг нашей стюардессе двоих уже мало.

Мужчины тихо переговариваются между собой, продолжая зажимать меня между своих тел, ни на миллиметр не двигаясь с места. Я чувствую их дыхание, жар, вибрацию голоса и издевку в нем.

– Думаешь, она такая испорченная?

– Не думаю, но пилот смотрел на нее, словно она раз ему дала, а потом пожалела, отлучив от тела. Это так, птичка? Кинула мужику косточку, а он только понюхать успел, и тут же отобрала.

Молчу.

Кусаю губы, сжимая мокрые ладони в кулаки. Зачем ему мой ответ, когда он и так все знает лучше меня.

Психолог херов.

– Чего ты боишься, К-р-и-с-т-и-н-а?

Опускает взгляд на мой золоченый бейджик, четко по буквам выговаривая каждую букву имени. Руки Артёма застыли в районе талии, а для меня вообще остановилось время.

– Я не боюсь.

Отвечаю тихо, не в силах оторваться от зеленых глаз мужчины. А ведь он прав, я не буду кричать от страха «караул» и «помогите», я буду кричать совсем по другому поводу.

Или нет? Интересно, насколько велика моя шкала испорченности?

Как я себя поведу через несколько секунд, если он поставит меня раком на эти сумки, сдернет юбку и просто трахнет? А ведь если он захочет это сделать, он сделает, и вот в это я верю.

- Смелая, да?

- Нет, - мой слишком быстрый ответ.

- Не может быть. А как же стюардессой стала?

- На слабо взяли.

Мужчина искренне смеется, запрокидывая голову, показывая ровные крепкие белые зубы. Делает шаг назад, давая спокойно вздохнуть, перестает давить на мою волю своей энергетикой.

Никогда не была смелой, первый год крестилась и молилась, когда ступила на трап самолета и когда тот взлетал, набирая высоту. Страшно именно тогда, в полете об этом не думаешь, просто нет времени. У меня была цель, она и сейчас есть, поэтому нужно запихать свой страх, гордость, амбиции в задницу и просто делать свою работу. Делать лучше других.

Но у меня никогда не было вот таких хреновых ситуаций. Мать ее, отвратительно хреновой ситуации.

Мужчины, пассажиры джета, которых мне приходилось обслуживать, предлагали с ними выпить, шутили, делали комплименты, звали на свидание по прилете. Просили телефончик и предлагали подвезти, давали щедрые чаевые в конверте. Но никто так откровенно не прессовал меня.

- Все, иди работай, а то не пожрать, ни потрахаться.

- Шульгин, тебе лишь бы пожрать и потрахаться.

- А тебе нет?

Тот, что стоял сзади и упирался в мою поясницу своим стояком, сказал это с неким сожалением, отошел, а я пошатнулась на каблуках. И зачем только их надела?

– Классная задница, я обязательно ей займусь, – вот он снова прижался, резко дергая меня на свою грудь, сказал в самое ухо, проведя по нему языком, и снова отпустил, шлепая по ягодицам.

Вот же тварь какая.

Две твари.

Такое ощущение, словно об меня вытерли ноги, потом встряхнули как половую тряпку и снова вытерли, а ведь по сути ничего еще не было.

Это нихуя не сексуально и не эротично. Внутри всю колотит, но я держу лицо, натренированное годами, выдавливаю из себя улыбку. Цепляюсь взглядом за татуировки на груди и правом плече мужчины, чтоб только не смотреть в его зеленые оценивающие меня и мое поведение глаза.

Там невероятная картина: Зевс, бог-громовержец, окруженный тучами, держа в руке молнию, хочет метнуть ее вниз. Немного зависаю, рассматривая тонкие штрихи на гладкой коже, это вполне можно назвать произведением искусства, все очень детально и реалистично. Суровое лицо Зевса, мощный кулак, сжимающий молнию, все словно карандашом невероятно красиво и талантливо прорисовано.

– Нравится?

Это он меня спрашивает?

– Через двадцать минут будет обед. Позвольте, я достану свежие полотенца, – игнорирую вопрос.

Тот, кто обещал заняться моей задницей на десерт и кого называли фамилией Шульгин, снял пиджак, прошел мимо в уборную, закатывая рукава рубашки. Зеленоглазый посмотрел на расстегнутую сумку, снова на меня, улыбнулся так

мерзко, а я реально пожалела, что посмотрела в ту сторону.

– Ты что-то видела?

– О чем вы?

– Хм, я не ошибся, ты неглупая девочка.

Я совсем не такая, я дура, каких надо еще поискать. Кристина Сергеевна Любимова, вы дали в клубе двум мужикам, а теперь расхлебывайте то дерьмо, которое так смачно замесили.

Разворачиваюсь почти на ватных ногах и ухожу в сторону бара, на автопилоте достаю ланч-боксы, подогреваю, что надо подогреть, сервирую стол. Во мне за эти минуты умерло хуева куча нервных клеток, мотыльки забились в угол, судорожно вздрагивают крылышками. А та самая, скромная девочка с любопытством ждет, что же будет дальше.

А ни хрена не неглупая, как он решил.

Неглупая бы не трахнулась сразу с двумя мужиками в тесном привате клуба. Неглупая бы не вышла замуж в двадцать один год за мудака. Единственное, что я сделала пока неглупого в своей никчемной жизни, это развелась с этим мудаком не через двадцать лет, а через пять, послав его и его ебанутую мамашу кобыле в трещину.

Как ни странно, но мысли о бывшем и его мамаше давали ощущение почвы под ногами, а точнее, лютая неприязнь к ним стимулировала совершать трудовые подвиги.

Заметалась по салону, стараясь не смотреть на мужчин, расставляя тарелки и приборы.

– Артём, что, без этого никак, да?

– Громов, отъебись.

Странно, у них бывают в чем-то разногласия? Летают вместе, я так понимаю, работают вместе, и баб тоже ебут вместе. Такая сплоченность и идиллия. Да и зачем заморачиваться на двух девушках, когда можно прекрасно трахать одну?

Про то, что видела в сумке, не хочу даже вспоминать и думать, иначе моя фантазия разыграется по полной. Она у меня очень богатая.

– Я тебя прошу, только давай при Якуте без всего этого и твоих дебильных шуток.

– Когда это я дебильно шутил?

– Постоянно, а еще умничаешь. Якут простой как валенок, он не оценит и не поймет твоих интеллектуальных высеров.

– Хорошо, уговорил.

Наглый Артём громко засмеялся, настроение его явно улучшилось. Громов явно был чем-то очень недоволен, не хочу даже думать чем. Лучше мне ничего не видеть и не слышать больше никогда. Блузка все еще влажная, липнет к груди, мельком бросаю на себя взгляд в зеркало, вид совершенно чумной, приглаживая волосы, тру полотенцем по мокрой ткани. Да к черту, высохнет и так.

– Если еще что-то будет угодно, чай, кофе, напитки, я принесу.

– Громов, а что за дрянь ты пил в том клубе?

Они теперь сидят за столом, оба расслаблены и вполне довольны жизнью, пожалела, что не припасла снотворное, так бы подсыпать в чай и пусть спят до Сахалина.

– Я помню только вкус губ нашей птичке. А еще как она лихо подмахивала, насаживаясь на мой член.

Мне что, уже дали прозвище?

– Ты помнишь тот коктейль? – Игорь обращается ко мне.

– Да, гимлет: джин, сок лайма, цедра лимона и лед.

Мужчина удивленно вскидывает брови, но в том, что я знаю практически все коктейли, нет ничего удивительного. Я обязана их знать, а также разбираться в напитках, и все это, чтобы угодить клиенту.

Делаю два коктейля, смотрю на часы, осталось четыре часа полета, надо бы поесть самой и накормить пилотов. А еще у меня слабая, но все-таки надежда, что пассажиры забудут обо мне.

Как бывает очень часто, я ошибалась.

Глава 7

Смотрю на телефон, в уме прибавляя шестнадцать часов, голова совсем не соображает. Но сейчас, должно быть, четвертый час утра по местному времени. Меня всю колотит, но больше не от холода, а от того, что произошло за последние четыре часа.

Кутаюсь в форменную куртку поверх пиджака, наброшенного на плечи. Кое-кто любезно укрыл меня от сахалинского пронзающего до костей ветра, сходя с трапа самолета.

Этот кое-кто, так пристально всматривался, словно пытался что-то для себя понять по моим глазам, но в них не было ничего, что ему могло понравиться.

– Ну и где наше такси? Я уже околел.

Олег в седьмой задает этот вопрос, Курапов подозрительно смотрит. Хоть бы они все исчезли или хотя бы молчали и не задавали вопросов.

После посадки и всех необходимых формальностей мы наконец вышли на улицу. Такси должно отвезти нас в отель, есть слабая надежда, что два моих кошмара в лице пассажиров, заселились в другой отель. Наш обратный вылет с ними же

лишь завтра вечером, нужно было хоть немного отоспаться, а потом заказать еду и восполнить запасы алкоголя, что закончился в баре.

Лимон, джин и сок лайма.

Гимлет. Гори он огнем.

Обняла себя, тупо смотрю в одну точку, в голове шум, и я уже почти не чувствую холода сахалинской майской ночи. Внутри такая пустота, что хочется выть волком, а еще содрать с себя всю одежду и тереться жесткой щеткой до кровавых царапин, до самого мяса.

Не могу понять, чего во мне больше, ненависти к себе или к мужчинам?

Но ведь я почти не сопротивлялась, я позволила.

Или сопротивлялась, но плохо.

А у меня был выбор? Говорят, что выбор есть всегда.

– Крис, такси, пойдём, не стой столбом.

Дима взял мой чемодан, вместе со своей сумкой положил в багажник. В салоне такси тепло, играет жуткая попса, смотрю на мелькающие за окном огни и совсем не вижу города.

Их десятки прошло перед моими глазами, не считала. Были красивые и не очень, старинные и современные. Обычно видишь только путь до аэропорта, который в большинстве случаев не особо привлекательный.

– Крис?

– Да, Дима.

– Все хорошо?

– Хорошо, устала просто.

– Может, поговорим?

Вот сейчас только разговоров с ним не хватало для кучи. Чтоб уж наверняка вынести мне мозг.

– Дим, мне хватает Воронковой и ее разговоров «по душам» два раза в неделю. Второго психолога в лице тебя мне не надо.

Анна Михайловна Воронкова, наш штатный психолог, ее задача – изрыть наши мозги вдоль и поперек, чтоб в случае чего мы не выкинули какой херни в полете. А то вдруг она проморгает мое душевное состояние, и я ножом для колки льда начну играть в основной инстинкт, заколов пассажира.

Курапов заглядывает в мое лицо, но я-то научилась держать покерфейс, смотрю в его темные глаза, замечаю синие круги под ними, первый пилот устал не меньше моего.

Кажется, только Нестеров получает от всего невероятный кайф. Это пройдет через пару месяцев, и такая желанная работа будет стоять поперек горла именно после подобных перелетов. Хуй знает куда, хуй знает с кем, хуй знает зачем. Это не наше дело, как там сказал Громов: «немерено дорогой самолет» доставил людей из пункта М в пункт С.

Суки долбаные.

– Они не досаждали?

Какой тактичный капитан, теперь слово «оттрахали» можно заменить прекрасным словом «досаждали». Но лучше ему ничего не знать, лучше мне самой все забыть и не ляпнуть лишнего при Воронковой.

– Нет, говорю же, нормально хорошо, поели, выпили, кино смотрели.

Порно.

Не очень удачное такое порно.

Курапов не верит, продолжая вглядываться в темном салоне такси в мои глаза. Что он хочет там увидеть? Титры, кто был в главной роли порнофильма? Как он и вообще все меня заебали.

– Олег, как называется наша гостиница? – задаю вопрос Нестерову, чтоб не отвечать на другие вопросы. Тот с переднего сиденья отрывается от беседы с водителем, разворачивается к нам.

– А нам могут дать один номер?

– Вам с господином Кураповым да.

– Один номер с тобой?

– Нет, Олег, мы уже говорили с тобой на эту тему утром. Ты взрослый мальчик, чтоб спать с мамочкой.

– Как смешно. Эх, невезуха. Не девушка, а неприступная, как крепость, – Нестеров проговаривает слова с кавказским акцентом.

Водитель смеется. Мне б самой хоть улыбнуться, но отворачиваюсь, прикрываю глаза лишь на миг и вижу Громова, как он посмотрел на меня у трапа, с неким сожалением, которое мне совсем было ни к чему. Крепкий, сильный, высокий, в одной рубашке, а потом накинул на мои плечи свой пиджак, или не свой, не знаю, кого из двоих.

Два джипа притормозили рядом, вышел странный мужчина, якут или бурят, не разобрать, щуплый, невысокий. Его парни начали выносить сумки, грузить в машины, небрежно бросая кучу денег в салон.

– В клубе ты была горячее, – Шульгин громко сказал мне тогда это на ухо, только повела головой, ничего не ответив.

Я думала, что с Громовым страшно, оказалось, надо бояться вот таких, веселых, с виду безобидных красавчиков со взглядом, что режет до мяса.

– Приехали.

Курапов вновь помогает с чемоданами, несколько ступенек, я так и не узнала название гостиницы. Хочется скорее в номер, просто лечь и умереть, хотя бы на пару часов. Олег флиртует с ночным администратором, девушка улыбается, поправляя волосы, Олег ей нравится, мужики вообще красивые в форме.

– Нестеров, давай быстрее, спать охота.

Наконец беру свой ключ, пятьсот пятый номер, толкаю чемодан к лифту, не хочу ждать пилотов и даже знать, где их разместили.

– Кристин, подожди, я помогу.

– Я сама.

Нервно давлю несколько раз на кнопку с цифрой пять. Задолбали все, я ведь сама могу справиться, всегда справлялась, как школу закончила, так все сама. Большой город, почти без денег, дорога к мечте и голубому небу, которое я буду рассекать в красивом самолете, была нелегкой.

И вот я в красивом самолете, королева неба, как там пел Владимир Семенович: «Вся стройная, как «ТУ», та стюардесса, мисс Одесса».

Как же один случайный секс может загадить мечту. Не люблю секс. После этого перелета не люблю.

– Сука, да открывайся же ты.

Прикладываю электронный ключ, он только пищит, но дверь не поддается. Смотрю на номер, пятьсот шесть.

– Да, блин.

Толкаю чемодан дальше, наконец открываю свой номер, хлопаю дверью, на ходу скидывая так мной утром любимые новые туфли, куртку, чертов пиджак. Я все

пропиталась насквозь тем парфюмом, что исходил от него. Терпкие ноты бергамота, черной смородины и мускуса, бросаю его на пол.

Включая свет, захожу в ванную, снимаю юбку, дрожащими пальцами расстегиваю мелкие пуговицы на блузке. До боли прикусываю нижнюю губу, чтоб не заплакать, скидываю белье, колготок на мне нет давно. Душевая кабинку, открыв воду, сразу становлюсь под нее с головой, подставляя лицо горячему потоку.

Меня все равно колотит, судорожно всхлипываю, зажимая рот ладонью, держусь, не даю волю слезам и истерике.

Что это было? Как квалифицировать то, что произошло в небе на высоте несколько тысяч километров? Насилие или просто секс? Не могу определить, потому что совсем ничего не понимаю и не хочу понимать.

Не хочу думать и вспоминать, но не получается.

– Ну чего ты сейчас ломаешься? Не хочешь? Быть того не может. Дать выпить для храбрости, как тогда?

Артём шептал это все на ухо, зажав меня между уборной и диваном с наваленными на него сумками. Потом смотрел в глаза, а я видела лишь его черные расширенные зрачки. Становилось страшно от его взгляда, горячих рук на моих плечах и реакции собственного тела.

– Ну что ты, девочка, чего ты боишься?

Молчала, реально не знала, что делать.

– Шульгин, завязывай, хорош прессовать девочку.

– Я не прессую, я хочу ее, посмотри на нее, это же ходячий секс. Блондиночка с синими глазами и пухлым ротиком. Хочу видеть ее голую. Ты ведь разденешься, птичка?

Бросила взгляд за спину мужчины, посмотрела на второго, Громов сидел на диване, только смотрел. А я понимала, что он ничем мне не сможет помочь, а сделает только хуже.

- Заебался, не могу больше.

Толкает в уборную, разворачивает лицом к зеркалу, упираюсь руками в раковину.

«- Постойте, это неправильно, отпустите... нет... не надо», - говорила громким шепотом, чтоб не слышали пилоты, хоть они и на другом конце самолета.

Мои жалкие попытки развернуться и оттолкнуть мужчину гасились на корню. Юбку задрали вверх, треск рвущегося нейлона колготок и я ощущаю настойчивые пальцы на обнаженной плоти.

Глава 8

- Посмотри, посмотри, какая ты соблазнительная птичка. Разве ты не понимаешь сама, как действуешь на мужиков, да еще в этой форме?

Мужчина зафиксировал мое лицо, но я тогда в своем отражении видела только панику, пытаюсь выкрутиться из сильных рук. Но хватка была железная, а его пальцы продолжали растирать уже обнаженную плоть.

Глотала ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Головой отчетливо понимала, что так нельзя, что этого не должно происходить.

Я не хочу.

То, что сейчас произойдет против моей воли, называется насилием.

- Какая нежная и гладкая киска, сука, крыша едет похлеще, чем от самой убойной дури, от тебя.

Шульгин шептал мне все это на ухо, дыхание горячее, по телу шла дрожь, а его пальцы продолжали настойчиво ласкать половые губы, скользить между ними, задевая клитор.

- Стой, не надо...остановись.

Стискивала зубы, хватаясь до боли в пальцах за раковину, пыталась отстраниться. В голове шум, совсем не разбирала слова. Но я отчетливо понимала, что все происходящее со мной, недопустимо. Меня сейчас возьмут силой, против воли и все мои жалкие попытки сопротивляться и просьбы остановиться никому не нужны.

Я уже была с этим мужчиной, я занималась с ним сексом, я получила удовольствие. Я кончала на его члене, я помню это так же, как и мое тело, но разум сопротивлялся. Для секса не время и не место.

Сзади движения, шорох, хотела обернуться, но Артём прижимался к моей щеке, ведя по ней языком, а потом вошел одним резким толчком, так что тело пронзила острая боль. Непроизвольно вскрикнула, но он тут же накрыл мой рот ладонью, продолжая входить. Резко, жестко, растягивая мое влагалище огромным членом, насаживая на себя, другой рукой больно сжав грудь.

Ловила в отражении зеркала его взгляд, а там чистая похоть и туман, он смотрел словно сквозь меня, продолжая трахать. Я уже точно не смогла бы его остановить. Черты лица заострились, губы плотно сжаты, я даже видела, как тонкая венка пульсировала на виске под бледной кожей.

Не чувствовала совсем ничего, только глубокие толчки. Он, как поршень, входил в меня, используя для получения своего удовольствия. Не знаю, сколько так прошло времени, я уже не сопротивляюсь. Только старалась не издавать громких звуков и не думать ни о чем.

Мне было хорошо, реально, невероятно хорошо тогда в клубе. Зачем от только все испортил?

Интересно, как бы я себя повела, если бы не было того случайного секса? Сопротивлялась бы? Кричала? Не могу ответить однозначно, потому что никогда не приходилось попадать в такое дерьмо.

Отчетливо помню, как он кончал, тело напряглось, Шульгин застыл на секунду, член дернулся, начал пульсировать глубоко во мне, Артём громко простонал, кончая, делая последние толчки.

А я тогда реально потерялась в ощущениях, нет, я не испытала удовольствие, но оно во мне начинало зарождаться. Стоило только прикрыть глаза и дать телу расслабиться. Грудь болезненно ныла, руки тряслись, мышцы внизу живота свело до боли.

– Я почти побывал на небесах, птичка, – голос хриплый, низкий.

Снова провел языком по щеке и резко вышел из меня, так что чуть не подкосились ноги. Стянул презерватив, бросая его на пол. Закрыла глаза, опустила голову, а когда подняла ее через секунду, то наткнулась на взгляд Громова.

Все дальнейшее происходило очень быстро. Разворачивает, усаживая на тумбу у раковины, юбка болтается на талии, трусики сдвинуты в сторону, колготки порваны, ноги широко разведены. Пальцы накрывают раскрытую перед ним плоть, а губы впиваются в мои.

Голодный поцелуй, требовательные пальцы, звон пряжки ремня, шуршание фольги, а я, чтоб хоть как-то остановить, кусаю за губы. Но он не заметил этого, лишь прорычал, но не остановился.

– Дикая, да? Хочешь крови и боли?

– Нет. Постой, не так...черт.

Дальше лишь одно движение. Мой глухой стон, жар по телу, зеленые глаза прожигали насквозь. Глубокие толчки, теперь уже другой член растягивает меня в туалете бизнес джета. Игорь тяжело дышал, заставляя меня прогнуться и принять его глубже.

Нет, я не расслабилась и не получила удовольствие, до него было далеко. Но я с самой первой секунды, когда встретила своих старых знакомых у трапа самолета, поняла, что секса мне не удастся избежать.

Мое случайное удовольствие вернулось ко мне бумерангом в виде двух наглых мужиков, которые решили, что им все позволено и все можно.

Даже стюардессу в самолете.

Сквозь сон слышу, как звонит мой телефон, вожу рукой по кровати, натыкаюсь на него под подушкой. Смотрю на экран, хочется запустить его в стену, но я пока не стану этого делать.

- Да.

- Кристи-и-и-ина-а-а-а, - пьяный голос бывшего мужа скребет по моим расшатанным нервам.

- Чего тебе? Который час?

Пытаюсь понять, зачем звонит Николай, он вновь поругался с мамой или потерял в квартире штопор?

- Ты одна?

- Коля, иди на хуй.

- Почему ты такая грубая? Вот ты не была такой, когда мы познакомились.

Лежу, смотрю в потолок, яркое сахалинское солнце заливает все пространство, я совершенно голая под легким пуховым одеялом, это утро можно было назвать идеальным, если бы не Коленька, так называет моего бывшего его маман. Коленька - кусок бесхребетного говна, за которого я вышла замуж, находясь под каким-то гипнотическим опьянением.

- Мама говорит...

- Идите на хуй вместе со своей мамой.

Отключаюсь, кидаю телефон рядом, все еще продолжая прокручивать в голове вчерашний перелет и мысли о том, что делать со случившемся. А что я могу сделать? Написать жалобу в профсоюз на домогательство и насилие на борту? Жанка бы сама раздвинула ноги и не слезала бы с их членов все восемь часов полета. А потом еще восемь обратно.

В этом мы с Жанкой кардинально отличаемся, хотя сейчас уже это спорное утверждение. Стюардесса по имени Жанна, имя, кстати, настоящее, пошла в бизнес-авиацию для того, чтоб найти себе богатого мужика, желательно с твердым хером и толстым кошельком. Трудный путь, конечно, она выбрала, можно было пойти в эскорт, но Жанка любит экстрим. Вообще, она нормальная, но странная иногда.

Я не ищу богатого мужика хотя куда уж проще путь к достатку, но не по мне он. Мне, как и всем нужны деньги, поэтому я готова вкалывать почти без выходных и не отказываюсь от чаевых. Но никогда не трахалась с пассажирами, тем более за деньги, да даже и не с пассажирами, быть проституткой, содержанкой, девочкой на час или выходные не моя стихия, не буду вставать раком и сосать по команде.

Телефон вновь начал надрываться, игнорирую, пусть бывший проспится, когда он трезвый, его интересней посылать, а так все равно ничего может не вспомнить. Полгода как развелись, а все считает, что я ему что-то должна.

Утром мозг был достаточно ясным, но мерзкое чувство того, что тобой попользовались, все еще присутствовало. Вчера в душе дала волю слезам и истерике, плевать уже было на опухшие глаза и внешний вид. Меня трясло и выворачивало от собственной беспомощности.

Потому что, что я ничего не сделала.

А еще оттого, что я ничего не буду делать.

Нет, сделать можно было, но от этого стало бы только хуже, служебное разбирательство, беседа с руководством и психологами, отстранение от полетов, и не факт, что меня вернут потом обратно.

Все сводится к тому, что я сама это допустила, сама позволила, сама виновата, сама неправильно себя повела, не сумела замять конфликт и сгладить острые углы в общении.

Остается принять и проглотить всю ситуацию. Потом проблеваться, и все пройдет. Я давно поняла, что быть женщиной, это тяжелая ноша.

Мои размышления прервал стук в дверь. Смотрю на нее и понимаю, что не хочу вставать. Стук повторяется.

Может, Курапов пришел снова поговорить по душам?

Медленно поднимаюсь, заправляю распущенные волосы за уши, кутаюсь в одеяло и иду к двери.

– Кто там? – прислушиваюсь, жду ответа.

– Завтрак в номер.

– Я не заказывала.

– Он входит в стоимость номера.

Один поворот замка, открываю дверь, но за ней совсем не завтрак. Тут же пытаюсь закрыть ее обратно, потому что не хочу видеть этого человека. Не хочу видеть никого из них.

Никогда.

– Отпусти дверь.

– А то что?

Громов смотрит наглыми зелеными глазами, на губах легкая улыбка, рассматривает меня с ног до головы. Эдакий хозяин жизни в рубашке и пальто за три тысячи евро.

– Я не одна.

Выражение его лица моментально меняется, по нему можно прочесть, что он сейчас думает. Мысли незамысловатые, думала он умнее. Голая девушка в одном одеяле, растрепанные и распущенные волосы, искусанные губы, которые, кстати, он же и искусал. Наверняка сейчас, по его мнению, в моей кровати на смятых простынях первый пилот.

– Ты не одна? – улыбка пропадает, взгляд становится тяжелее, он делает шаг в мой номер.

И почему у всех мужиков одинаковые дебильные вопросы?

– Не твое дело.

– Уже мое.

Глава 9

– Я, вообще-то, тебя не приглашала.

И откуда во мне столько дерзости с утра? Не понимаю.

– Я и не спрашиваю твоего разрешения, – отодвигает меня в сторону, проходит в номер.

– Совсем обнаглел?

Придерживая одеяло, иду за мужчиной. Громов широкими шагами преодолевает расстояние до кровати, останавливается, смотрит на смятые простыни и разбросанные по полу вещи.

– Не одна, говоришь?

– Не твое дело, выйди и не нарушай мое личное пространство. Вылет в семь вечера, там и увидимся.

– Ты за ночь борзянки объелась?

– Вы с дружкой пережрали ее, видимо, давно. Сейчас я не стюардесса, и мы не на борту, расшаркиваться перед тобой я не буду.

Чувствую, как меня начинает колотить, сжимаю одеяло на груди, смотрю в зеленые глаза мужчины. Не могу предсказать его реакцию на мою дерзость, такие не любят, когда им перечат. Такие как он, делают что хотят, и мнение окружающих их не волнует.

– Любимова Кристина Сергеевна, двадцать семь лет, родилась в небольшом городке на берегу Волги, разведена шесть месяцев назад. Муж сбежал, не выдержал поганый характер? Угадал?

Вот это дела! На меня собрано досье? Интересно, что он еще узнал?

– Спроси у мужа.

– Спрошу. Меня зовут Игорь, Игорь Громов.

– Не скажу, что мне приятно познакомиться.

– А совсем недавно было очень приятно.

Склонив голову, он подходит слишком близко, бесцеремонно вторгаясь в мое личное пространство. Высокий, здоровый, плечи широкие, стоит, убрал руки в карманы брюк, скользит взглядом по моему лицу, шее, груди.

До чего наглый сучара. Сожрет и не подавится.

– И вот не надо так на меня смотреть, – цежу сквозь зубы, а у самой сейчас сердце остановится.

– А то что?

– Я вам, господин Громов, не кукла и не игрушка, чтоб вертеть меня на херу, когда вам с дружкой это угодно.

Громкий смех разносится по всему номеру, а по моим натянутые нервы словно режут острым ножом. Он смеется, просто смеется, глядя в глаза, а я, следуя некому импульсивному порыву, не отдавая себе отчета, замахиваюсь и залепляю пощечину по его красивому лицу.

Ладонь моментально обжигает, она горит, а я совсем ничего не слышу, только звонкий шлепок. Вижу, как зеленые глаза вспыхивают гневом за долю секунды.

– Это совсем не смешно! Вам никто не давал права трахать меня! Вам никто не давал права использовать меня! Я не проститутка и не шлюха! И уж точно не резиновая кукла для ваших членов.

Совсем страх потеряла. Проговариваю четко каждое слово, да мне вот плевать, что этот Игорь Громов будет дальше делать.

Эмоции хлыстом бьют по нервам, до самого мяса. В кровь.

Порядочная девочка в серой юбке в моем сознании крутит пальцем у виска, мотыльки ломают крылья. Я прекрасно понимаю, что такие люди могут сделать со мной и моей жизнью. Растоптать, разорвать в клочья. Если повезет, то летать мне на рейсах Новосибирск – Тюмень.

Громов играет желваками на скулах, слегка побледнел, продолжая нависать надо мной и смотреть убийственным взглядом. Долгих несколько секунд, но потом он неожиданно кривит губы в подобии улыбки, трет щеку.

– Хорошо, это я забуду и прощу. Заслужил. Но чтоб больше себе такого не позволяла. Никогда ты поняла меня, Кристина?

Теряю дар речи, ладони вспотели, а позвоночник покрывается льдом, и легкие наполняются морозным воздухом, от мужчины так и веет холодом.

Хочется спросить, но не могу. Что значат его слова про больше никогда? Я вообще хочу закончить этот рейс, желательно живой и по возможности невредимой, и да, больше никогда не встречаться с ними.

- Кивни, если поняла.

Киваю, но тут Громов дергает меня на себя за одеяло, прижимая к своему мощному телу, проводит по лицу пальцами. Снова обжигая уже горячим взглядом. Как у него это получается? Только что хотел разорвать меня, а теперь в глазах похоть и ничем не прикрытое желание.

- Ты снова начинаешь давить на меня.

- Не могу, ты, сучка, такая соблазнительная. Всегда соблазнительная. Даже когда вот так кричишь и сверкаешь глазками. Это я еще долго держался в джете, хотел сразу разложить тебя у трапа.

Он несет сущую пошлятину и похабщину, но это заводит, реально заводит. Наверное, сказывается вчерашний секс, который не дал ничего, кроме поганого осадка воспоминаний и боли внизу живота.

А вот сейчас тело реагирует иначе, мы на нейтральной территории, после смачной пощечины и слов Громова нервы начинают отпускат. Он гладит уже по скулам, убирая мешающие волосы, наклоняется ниже, снова этот аромат, смородина, бергамот, он лишает воли.

- Помнишь клуб? Как ты подмахивала своей сладкой попкой, насаживаясь на мой член? Уверен, что ты и сейчас мокрая. Покажи мне, покажи мне сама себя, чтоб больше не получить на морде.

А он умеет быть обходительным, пошляк, конечно, но все им сказанное будоражит мое воспаленное сознание. Мотыльки оживают, подрагивая крыльями.

Змей-искуситель с зелеными глазами и пальцами, обжигающими кожу. Что он еще умеет делать этими пальцами, страшно представить.

Настойчивый стук в дверь, вздрагиваю, Громов ухмыляется, но не отходит и не выпускает меня из объятий.

- Не твой друг?

- Все может быть.

Я кусаю губы, он смотрит на них.

- Кристина, это я, открой.

Курапов. Как всегда, в моей жизни все происходит вовремя. Не помню, чтоб я его звала.

- Первый пилот прилетел узнать, с кем провела ночь его безответная любовь? Или он просто бегал за утренним кофе?

Игорь отрывается от меня, настроение у него прекрасное, отходит в сторону кровати и ложится на нее прямо в туфлях, закидывая ногу на ногу.

- Ну что, зови пилота, может, компанию составит, - хлопает по простыне ладонью.

Стук в дверь становится настойчивее, надо избавиться от Курапова, не пускать в номер. Совсем не нужно, чтоб он видел вчерашнего пассажира здесь. Сука, отчего у меня все так сложно?

- Кристин, все нормально?

- Да хорошо, спала.

- Я принес кофе.

Открываю дверь, не даю пройти в номер, беру бумажный стаканчик с крышкой. Дима рассматривает меня, словно пытается понять, чем я занималась всю ночь. Чувствую его взгляд на обнаженных плечах, а мне хочется прикрыться, чтоб уже

все прекратили на меня пялиться и ушли наконец.

- Я насчет вчерашнего.

Напрягаюсь. Сжимаю стаканчик с кофе, он обжигает пальцы.

- Не надо.

- Ты так и не даешь ничего сказать.

- Дама, не надо ничего говорить.

- Вот и сейчас просто затыкаешь мне рот.

Мужественный первый пилот мнется как подросток. Видела бы тебя бухгалтерия, может быть, перестала бы так безответно страдать.

- Сейчас совсем не время.

- Ты заметила, у тебя никогда нет времени?

- Дима...

- Да, Дима, ты даже меня уже заебал, - Громов появляется неожиданно, я чуть не роняю треклятый кофе на пол. Он уже без рубашки, ремень на брюках расстегнут босиком, волосы взъерошенные. Весь его вид говорит о том, что мы либо занимались сексом, либо сейчас будем им заниматься.

- Черт, вот кто тебя просил?

- Не выражайся, Крис, тебе это не идет.

- Кристина, я не понимаю, - Курапов показывает на Громова, тот обнимает меня за плечи, прижимая к себе.

– Дима, ты никуды не понимаешь, а я тебе объясню, ты не нужен этой девочке и никогда не был нужен. Дала она тебе один раз, сама пожалела, что дала, а ты как пес ходишь, высунув язык.

А вот это жестко, очень жестоко. Пытаюсь отстраниться, от боли, что в глазах Курапова, мне не по себе.

– Игорь, пожалуйста, прекрати.

Немая сцена, я не знаю, о чем он думает и что решил у себя в голове, но мне это не нравится, очень не нравится.

– Я все понял, хорошо, поговорим потом.

Он уходит, а в моей душе так мерзко. Он подумал все правильно, что я трахалась с пассажирами, он понял, что я была знакома с ними раньше. Громов берет из моих рук кофе, отпивает, продолжая рассматривать, словно на мне нарисована картина.

А мне хочется провалиться сквозь землю или засунуть голову в песок как страус.

– Чтоб больше я не наблюдал как он шоркается его рядом с тобой.

Удивленно вскидываю бровь. Все, что я хочу, это не видеть именно его.

Глава 10

– Убери одеяло.

– Нет.

Я, видимо, реально, по его словам, обожралась борзянки, если так отвечаю. А еще с вызовом пялюсь в его наглые и полные гнева глаза. А у самой поджилки трясутся и пальцы онемели.

- Нет?

- Конечно, нет, и не указывай мне, что делать. Тебя никто не звал и нечего было устраивать этот спектакль.

Делаю несколько шагов назад, но не успеваю убежать, Громов ставит стаканчик с кофе на комод, дергает за одеяло, в которое я вцепилась как в родное. Одеяло летит в сторону, не могу устоять на ногах, чуть не падаю. Но мужчина подхватывает и как ничего не весящую пушинку, усаживает на свои бедра, идет к кровати.

- Отпусти сейчас же!

- Совсем ненормальная? У меня в руках такая сладкая лялька, а я взял и отпустил?

Задерживается у кровати, держит одной рукой, сильными пальцами мнет ягодицы, а другой, проводит по волосам, откидывая их на одно плечо.

- Я говорил, что твои глаза - чистое небо?

- Нет.

Совсем не слышу свой тихий ответ, ладонями упираясь в плечи, чувствую, как играют его мышцы под кожей, а зеленые глаза прожигают насквозь. В нем столько энергии и силы, именно животной, сексуальной, подавляющей. Громов подминает под себя, лишает воли, одним словом, одним взглядом.

- Я получил по морде, теперь заслужил сладенького.

Вскрикиваю, когда лечу на кровать, а Игорь начинает снимать брюки, быстро расстегивая ширинку, спуская их вместе с бельем.

Фамилия Громов очень ему подходит - мощный, широкоплечий, мышцы выпирают буграми, и эта татуха на груди с Зевсом, метящим молнии, производит впечатление. Он огромный везде, даже член и яйца, что он

поглаживает, демонстрируя мне.

Я большая девочка, у меня были мужчины, не так много, но ни из них не обладал таким внушительным размером. Он точно не убьет меня им?

Покрываюсь мурашками под его взглядом, не в силах сдвинуться с места. Я сейчас должна сказать свое категоричное «нет», послать как можно дальше это похотливое животное, после его наглого визита и спектакля, устроенного перед первым пилотом.

Но я как ненормальная пялюсь на его голый торс и эрегированный член, чувствуя, как он трахает меня взглядом, при этом надрачивая свой внушительный стояк.

Сглатываю скопившуюся во рту слюну, наблюдая, как Игорь ласкает себя, сжимая яйца, задевая бордовую головку. Он два раза уже имел меня своим агрегатом, и как я вынесла это, получив удовольствие, не понимаю.

– Нравится?

Это видимо, его любимый вопрос.

Молчу, ему не нужен мой ответ, по наглой физиономии вижу, как он доволен своей шуткой. Опускается между моих ног, медленно ведет от бедер до талии, крепко сжимая ее. Я на самом деле не знаю, как себя вести. В клубе был эффект неожиданности, драйв, адреналин бил в голову. Ломал все запреты и блоки.

Сейчас я должна по всем правилам оттолкнуть, вспомнить о том, как эти два гада поймали меня на борту джета, взяв практически силой, используя как надувную куклу. Также можно было выдать им по мастурбатору.

Но сердце как бешеное бьется, гоня по венам возбуждение, обжигая их изнутри. Любое прикосновение ко мне такое невероятно острое, и его чертовски мало.

Лицо совсем близко, чувствую дыхание, легкий аромат кофе и парфюма, черная смородина сводит с ума. Сжимаю плечи, впиваясь в кожу ногтями, а когда

Громов целует, из груди вырывается подобие стога.

Мои мотыльки начинают сходять с ума, хаотично бьются о ребра, его язык проникает в рот, встречается с моим, по рецепторам бьет чистое удовольствие.

Целует жадно.

Требовательно.

Нагло.

Сминает губы, кусая их.

Трется членом о мое раскрытое лоно, дразнит. Веду бедрами, чувствуя, как теку, реально теку от этого поцелуя и касаний.

– Голодная девочка, все еще голодная. Такая мокрая, гладкая, влажная. Сука, какая узкая.

Выгибаю спину, когда пальцы Игоря растирают клитор, а потом проникают внутрь, трахая меня, растягивая, снова растирают. А я начинаю гореть, вспыхнув как спичка в его руках от одного касания и одного поцелуя.

– Я кое-что тебе должен, но времени мало, я потом тебя вылижу.

Пальцы такие же крупные, как и все у него, трахает ими, при этом лаская грудь, кусает сосок, тут же лижет его, а я кричу в голос, двигаясь навстречу такому порочному удовольствию.

Как у него это получается – доводить меня до сумасшедшего оргазма двумя пальцами и языком на затвердевших сосках и отяжелевшей груди?

– Боже мой... а-а-а-а-х... не могу, не могу больше... сейчас... еще ...да-а-а-а-а...боже...сейчас.

Шепчу и тут же срываю голос, кончая от невероятного оргазма. Кончики пальцев покалывает, я сгораю до пепла, раскинув руки по кровати, разведя колени шире.

- До чего горячая девочка, такая вкусная.

Вижу сквозь пелену в глазах, как Громов облизывает свои крупные пальцы, которыми он только что трахал меня, а потом дает облизать мне.

Это так порочно и красиво.

- Дашь свой нежный ротик? Да, вот так, пососи их, еще, а потом возьмешь мой член.

И зачем ему мой ответ? Ведь он точно не нужен.

Он не нужен даже мне.

Я продолжаю обсасывать его пальцы, слизывая следы собственного оргазма. При этом Громов тянет меня на себя, заставляя сесть, сам встает на пол, продолжая поглаживать свой член.

А я реально сейчас буду отсасывать ему, потому что сама этого хочу.

Снова нет границ и запретов.

Член огромный, головка блестит влагой предсемени, растираю ее пальцами, обхватив ствол. Кружу по нему языком, облизываю член до самых яиц, лаская руками, перекачивая и сжимая.

Низ живота все еще тянет от полученного оргазма, мой крик, наверное был слышен на весь этаж гостиницы. Мышцы влагалища сжимаются, когда я, открыв рот как можно шире, беру член и, смыкая губы, сосу.

Совсем сошла с ума, точно голодная и дикая стала, но мне нравится вкус его члена, большие гладко выбритые яйца. Его мощь и невероятная энергетика, в которой я задыхаюсь.

– Вот так, малышка, глубже, возьми глубже, еще... сука... какой нежный ротик, я бы и трахал тебя в него часами. А потом вылизал бы твою киску, потому что ты течешь прямо сейчас.

Боже, что он несет? Пошло, порочно, на грани, но это заводит. Не думала, что буду с таким энтузиазмом сосать член мужчине, которого вижу третий раз в жизни.

Поднимаю глаза, продолжая наяривать его стояк, помогая себе руками, мышцы челюсти устали, но я, расслабив горло, пытаюсь взять глубже, как опытная минетчица, которой никогда не являлась.

Глаза Громова потемнели, губы скривились, челюсти плотно сжаты, он ведет подбородком в сторону, неотрывно наблюдая за мной. А потом, взяв и наклонив мою голову, начинает глубоко вбиваться в меня до самой глотки.

– Не бойся, расслабь рот, вот так, да, маленькая, еще.

Такой невероятный контраст глубокого проникновения и нежных слов, сказанных хриплым голосом. В нем нет злости и агрессии, он хочет получить свое удовольствие, и я ему дам его.

Расслабляю горло и челюсть, широко открыв рот, чувствую, как член стал еще больше, как напрягся живот мужчины. Держу одной рукой за бедро, другой помогая себе, надрачивая ствол и сжимая яйца. Слюна течет по подбородку, Игорь делает несколько глубоких толчков, задыхаюсь, но тут же вынимает член, снова глубокие точки, опять вынимает.

– Не могу больше, дьявол, сейчас кончу, открой ротик, посмотри на меня. Да, смотри, сучка, какая красивая.

Еще несколько глубоких движений, и он начинает кончать, вынув член, я сжимаю ствол, дрочу его. Густые струи спермы попадают мне на губы, лицо и грудь, запрокидывает голову. Крупные вены пульсируют на шее, а я как загнипнотизированная не могу насмотреться на то, как красиво он это делает.

Саму всю колотит, раздвигаю ноги шире, сидя на кровати, продолжая сжимать и ласкать его член, по стволу на мои пальцы стекает сперма. Трогаю себя, я такая влажная, что, кажется, подо мной мокрое пятно.

Кружу пальцам по клитору, и меня пронзает удовольствие. Кончаю за несколько секунд, дергаясь всем телом, закатывая глаза. На моих губах пальцы Громова, он стирает свою сперму, заставляя встать, но ноги не держат.

Стою, вся перепачканная его семенем, руку отвела в сторону, а он целует. Язык холодный, я отвечаю, словно хочу напиться. А он, размазывая по груди сперму, щиплет сосок.

Словно метит. Животное. Неуправляемое, дикое, всегда голодное.

- Не ошибся в тебе, сумасшедшая девочка Кристина Любимова.

- В чем еще не ошибся?

- Ты всегда так охуительно кончаешь?

- Нет, тебе просто повезло.

Не понимаю, что несу, но мне начинают нравиться наши «содержательные» диалоги.

- Кончишь на двух членах?

Замираю, смотрю в глаза мужчине. Пытаюсь понять, это у него такой пошлый юмор или дикая фантазия? Молчу, ответить мне реально нечего.

- Ночью проверим.

- Ночью мы летим обратно.

Наверное, слишком уверенно это произношу, вижу, как Игорь улыбается. Сука, ну до чего он красивый. И почему такие твари всегда такие красивые?

– Летим через сутки, планы слегка изменились.

Глава 11

– Кристин, ты слышала новость? Мы, оказывается, летим завтра. И что вообще делать в этой дыре сутки?

– Олег, это не дыра, а город с населением, кстати, чуть больше двухсот тысяч человек, совсем недалеко Охотское море, всего в каких-то двадцати пяти километрах. Надо съездить посмотреть. Когда еще представится такая возможность побывать почти на краю света?

– И зачем мне это знать? Не хочу я смотреть на Охотское море.

– Темный ты, Нестеров. Расскажешь местной девчонке, которую склеишь на ночь, бабы ведутся на красивую форму и умных мужиков. Почитай что-нибудь еще в Википедии, блесни интеллектом.

Сидим в ресторане отеля. У меня, оказывается, зверский аппетит. После того как я почти позавтракала спермой Громова и двух оргазмов, организм требовал углеводов, и как можно больше.

– Ты словно несколько дней не ела. Хотя с такими пассажирами кусок в горло не лезет, да, Крис?

Кусок не лезет, а вот их члены отлично.

Смотрю Олегу в глаза, ну неглупый парень ведь. Интересно, что ему успел рассказать первый пилот? Наслаждаюсь последним куском отлично приготовленного стейка, шеф-повару можно сказать спасибо.

Откидываюсь на спинку стула, осматриваю зал. Всего несколько гостей, двое мужчин в костюмах, еще немолодая пара китайцев. За спиной Олега в дальнем углу мужчина, чашка кофе, газета, из-за нее не видно лица. Кто сейчас вообще читает газеты?

Играет приятная музыка, в панорамные окна светит полуденное сахалинское яркое солнце. Интерьер, конечно, странный, но стильненько, светлые тона, на стенах лепнина и белые декорированные рога оленей с золотой патиной. И зачем их так много? Надеюсь, тут не принято играть свадьбы.

- Где Курапов?

- Не знаю, наверное, уехал в аэропорт. Дерганый весь, спустился сюда, глаза бешеные. У вас что-то было? Или ты только мне по ушам ездешь, какая ты правильная?

Нет, Олежек, я не правильная. Вот с ночи, проведенной в клубе «Сайгон», совсем не правильная. Испорченная, похотливая, голодная сама. Фу, стремно звучит.

- У Димы жена и двое детей, зачем мне, разведенке, такой подарок? Я девушка серьезная, мне замуж надо, а не ходить в вечных любовницах. Сам подумай, какие у меня могут быть отношения с Кураповым? Просто потрахаться? Так этого добра хоть лопатой гребь, в любом баре в пятницу вечером.

- Тебя опасно в жены брать.

- Это почему?

- А вот такие же будут на голове ветвистые, как на стенах.

Олег показывает на рога, сам улыбается. Тоже мне, знаток женской души. Я, между прочим, была верной женой, некогда было баловаться адюльтерами и искать время на потрахаться по-быстрому. Коля тоже постоянно гундел, что я ему изменяю в каждом полете, то с олигархом, то с арабским шейхом.

Кретин.

До определенного момента я была стойкая, принципы не нарушала. Может, дурой была? Не знаю.

Другие девчонки не отказываются от приглашений встретиться еще, приятно провести время. Я же какая-то неправильная что ли.

Пусть Нестеров думает что хочет. Заказала кофе, тот, принесенный Димой, так и остался стоять на комод. Громов ушел почти сразу, кинул пару фраз, несколько минут пропадал в ванной, а потом одевался и разговаривал по телефону. Я же как села на кровать, так и сидела, ничем не прикрытая, в сперме, в груди медленно успокаивалось сердце, а приличная девочка лишь с укором снова качала головой.

Потом снова принимала душ, сушила волосы. Надев брюки, топ и пиджак, спустилась в ресторан отеля, где в одиночестве уплетал оливье второй пилот.

Надо было поговорить с Димой, но как ему объяснить мои неформальные отношения с пассажирами, которые начались за несколько дней до полета? Вообще, почему я должна что-то ему объяснять? Он взрослый мужик, семья, дети, при чем тут я и его вспыхнувшие чувства?

Тупиковая ситуация.

«Кристина, перезвони срочно!»

Читаю пришедшее на свой телефон сообщение, вздыхаю, смотрю на время. И почему бывшему не спится? Что за срочность? Олега пялится на проходящую мимо официантку, сворачивая шею.

Решаю игнорировать, сообщений несколько, а еще от Жанки. Она сейчас в Греции, шлет привет, спрашивает, как у меня дела. Отвечаю, что у нас тоже солнечно, но совсем не Греция. Игнорирую очередное мозгобство уже как три месяца бывшего мужа.

- Привет, капитан, где был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/dashkova_ol-ga/dvoynaya-vzletnaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)